

*Волны крутые, штормы седые –
Доля такая у кораблей.
Судьбы их тоже чем-то похожи,
Чем-то похожи на судьбы людей.*

Детская песня

175 дней на счастье

Жар-птица

1

Средняя общеобразовательная школа № 3 считалась нормальной. Талантами не блистала, не выпускала гениев, не готовила ко Всероссийским олимпиадам, и средний балл на экзаменах у ее учеников с трудом переваливал за семьдесят из ста. Но и ничего особенно плохого нельзя было сказать о ней: недавно сделан ремонт, из-за которого новый директор дошел до самых верхов, чтобы на это выделили деньги; все преподавательские ставки заняты, и учителя знают свое дело; отменили дежурства в столовых и коридорах ради улучшения качества знаний; устраивали вечеринки по праздникам для школьников и раз в полгода всех вывозили в театр.

Дети здесь учились нормальные, самые обыкновенные. Городок был совсем небольшим, работу жителям давал в основном завод (только благодаря ему город и образовался два века назад), поэтому в периоды частых родительских собраний в чатах только и видно было: «У меня два через два смена, давайте в другой день» и «Раньше шести уйти не смогу, на проходной нужно отметить». Сами школьники — те, кто мыслями уже давно осел в городе, — смотрели на красно-серые дымящие трубы завода с четким пониманием,

что их будущее там: в этом надежном, жарком и всегда нужном государству месте. А те, кто с детства признал, что горячие цеха не привлекают их, изо всех сил учили предметы, которые будут сдавать на экзамене, чтобы поскорее уехать прочь и не чувствовать за своей спиной суровый, как у рабовладельца, взгляд этих дымящих, толстых, круглых труб.

Ничего в школе страшного (или интересного) не происходило, ни с кем ничего плохого (или интересного) не случилось, и каждый день был серой, темнотуманной, как небо над заводом, копией предыдущего. И, когда в ворота школы въехал большой внедорожник на мощных колесах, которые, казалось, могут смять ступени, если машина на них заедет, все школьники и учителя с интересом посмотрели на автомобиль. Таких в их городке почти не водилось. Ну, может, у владельца супермаркета, который, как и завод, давал многим жителям рабочие места.

Дверь внедорожника открылась и хлопнула, закрывшись. Из машины выпрыгнула девочка лет шестнадцати, но выглядела она, по мнению собравшихся, чудно. В начале ноября в легких черных колготках в — прости господи! — сеточку! На ногах черные берцы, потом где-то сильно выше колен начиналась юбка, еще выше — тонкая водолазка и короткая незастегнутая куртка. Ни шапки, ни варежек. А еще ржаные длинные, до лопаток, пышные волосы и сумасшедший, по мнению всех собравшихся в школьном дворе, макияж с синими стрелками и блестками.

Потом из автомобиля вышел высокий мужчина в черном пальто. Учительницы с особенным интересом оглядели его серьезное лицо, полностью состоявшее из приятных черт, разве что слишком очевидно были на-

пряжены челюсти и сжаты губы. Вдруг чья-то мама, работавшая на заводе в офисе управления, сказала другой маме: «Да это же Андрей Петрович — наш новый директор... Помните, Сергея Михалыча же того... за присвоение госденег уволили». Так по двору и разнеслось негромкое эхо: «Новый директор... Новый директор...»

— Доброе утро, Андрей Петрович! — сказала та мама, которая работала в офисе управления.

Андрей Петрович растерянно посмотрел в толпу, не узнавая никого, и кивнул из вежливости.

Все более пристально оглядели девочку рядом с ним. Дочь, что ли? Да разве такие у директоров дочки? Где благородство, интеллигентность?.. И колготки эти, опять же, в сеточку!

— Пойдем, — сказал Андрей Петрович девочке и направился в здание школы.

Девочка будто заупрямилась: открыла дверь машины и как-то особенно сильно захлопнула ее снова. Андрей Петрович на шум не обернулся. Девочка с досадой оглядела двор, вздрогнула, когда поняла, что на нее все смотрят и видят без маски равнодушия, и тут же, сделав непроницаемое лицо, направилась следом за отцом.

Андрей Петрович шел быстро и пересек вытянутый школьный двор почти за минуту. Его дочь Леля, казалось, ценой невероятных усилий переставляет ноги. Расстояние между ними увеличивалось и увеличивалось, потом Андрей Петрович скрылся в здании школы, а Леля остановилась и достала телефон (наблюдатели отметили, что это последняя модель айфона), что-то прочтала, быстро отправила сообщение и, все еще глядя в экран, начала подниматься по школьному крыльцу. Вдруг послышался глухой удар.

— Ой!

Леля вскинула голову и увидела, как миниатюрная девочка, по виду ее ровесница, присела, чтобы поднять упавшую толстую книгу. Когда девочка посмотрела на нее, Лелю поразили светло-серые глаза, которые сияли, словно две большие луны летом на прозрачном небе. Девочка эта стояла в окружении нескольких ребят, видимо, одноклассников.

— Ничего страшного, все в порядке, — улыбнулась она и поднялась, крепко прижимая книгу к себе. Леля заметила, что это «Братья Карамазовы» Достоевского.

Леля неопределенно махнула головой и хотела пройти дальше, когда путь ей, скрестив руки на груди, преградила невысокая смуглая и черноволосая девушка. Над верхней пухлой бархатно-розовой губой у нее виднелся темный пушок. Леля сначала хотела мысленно скривиться, а потом оглядела девушку еще раз, и такой гармоничной и исчерпывающей показалась Леле ее внешность, что пушок над губой, поняла она, украшает смуглянку даже больше, чем длинные густые волосы.

— Извинись перед Сонечкой, — сказала девушка строго.

Леля не сразу поняла, чего от нее хотят. Погруженная в свои мысли, она еле поняла, о чем речь.

— Не буду, — наконец сказала Леля, собравшись с мыслями.

— Извинись!

— Не будет стоять на проходе — избежит толчков.

Леля собиралась обойти девушку, но та не дала, расставив руки в стороны. Захотелось смеяться. Леля вдруг четко поняла, что, когда утром не хотела ехать в новую школу и имела плохое предчувствие, пример-

но чего-то такого — глупого, но безнадежно конфликтного — и ожидала.

— Маш, не надо, — попросила Сонечка, — не нужно ссориться.

— Я не ссорилась бы, если бы она вела себя по-человечески.

— Да отвалите вы уже, боже мой! — Леля грубо толкнула Машу плечом и прошла.

— Охренеть, — услышала она позади себя. — Ну что за дрянь! Нет, вы видели?! Кто это вообще, кстати?

Леля раздраженно вздохнула. Снова все получилось не так: неправильно, гадко, некрасиво. Почему у нее вечно так выходит? С какими бы добрыми намерениями, с какими бы правильными мыслями она ни старалась подступить к делу, все выходило шиворот-навыворот. И будто для того, чтобы лишить этот день любого положительного финала, в школьных дверях Леля, идущая от раздражения быстро, налетела на выходявшего парня.

— Извини, — сказал он. Его левую бровь пересекал белый шрам, что делало его похожим на бравого пирата или разбойника.

Леля ничего не ответила — быстро прошла дальше, случайно задев его плечом. Хотела извиниться, но что-то помешало, удержало. Леля и сама не могла толком объяснить, почему она всегда предпочитала пойти на конфликт, сделать что-то в пику. Пару лет назад она придумала образ для гаденького чувства вредности, сидящего внутри: маленький противный рыжий клоун с уродливо разрисованным красно-белым лицом дергал в своих руках самые толстые нити, отвечающие за ее поведение, и каждый раз визгливо похихикивал от

удовольствия, когда Леля, поддаваясь его манипуляциям, грубила и вредничала.

Вот и сейчас, увидев, что жертва готова произнести слова извинения, клоун схватился за толстые нити и с силой потянул на себя. И вместо «Да ничего, и ты извини» Леля бросила парню:

— Идиот!

Она тут же пожалела об этом, но из гордости не стала исправлять ситуацию и подошла к отцу, который ждал ее у стойки охраны.

— Нам на второй этаж к директору, — сказал он.

Клоун снова было потянул на себя нити — Леле захотелось затопать ногами и сделать что-то противное, из-за чего папа обязательно рассердился бы на нее, но сдержалась. Было стыдно действовать так на глазах у всей школы.

2

В кабинете директора пахло кофе. Не таким, какой делают в дорогих кофейнях, а самым обычным, растворимым. На деревянном столе даже стояла невымытая кружка.

Кабинет был небольшим, с одним окном под потолком, заставленным стеллажами с папками и книгами. Места хватило только на рабочий стол и два кресла напротив.

Директор, низенький мужчина лет шестидесяти, встал навстречу Леле и Андрею Петровичу. Леля удивилась, увидев на нем джинсы, а не брюки. В ее прошлой школе директор ходил в костюме-тройке и требовал такой же аккуратности и изящества в одежде от других. Как-то Леля даже видела, что он отчитал свою

секретаршу за то, что та была в кедах, а не в туфлях на каблуке. В общем-то из-за подобных требований у Лели и сложились с тем директором не самые приятные отношения: носить школьную форму она наотрез отказывалась и делать менее яркий макияж тоже.

— Доброе утро! Я Сергей Никитич, — директор торопливо пожал руку отцу Лели. Но торопливо не потому, что хотел польстить большому начальнику, скорее деловитость и торопливость — его естественное поведение. Он дошел до своего рабочего места и сказал: — Проходите, садитесь. Прошу прощения за эту коморку, тут раньше ютилась бухгалтерия, а я решил, ну зачем мне двадцать квадратов одному, пусть люди там сидят, а я и тут спокойно смогу... Слушаю вас! — спохватился он. — Простите, юная леди, как вас зовут?

— Леля.

— Ольга, значит.

— Нет, Леля.

— Так чем могу помочь? С каким вы вопросом?

— Мы недавно вернулись сюда после трех лет жизни в Москве, — сказал Андрей Петрович.

— Да вы что! — обрадовался директор. — И как вам?.. Простите, продолжайте.

— И моей дочери нужна школа.

— Образование — это прекрасно! В каком вы классе, Леля?

— Окончила девятый, сейчас должна быть в десятом, — отозвалась она вежливо, тем самым благодаря директора за то, что он не проигнорировал ее просьбу относительно формы имени.

— У нас есть место в десятом. На самом деле у нас их много. После ОГЭ многие ушли в колледж, чтобы потом на заводе работать. Так что учитесь на здоровье,

Леля, учитесь! Документы у вас с собой? Паспорт, свидетельство, аттестат об основном общем образовании? Прекрасно! Можете оформиться сразу, акты готовятся в течение трех дней, но это не проблема. Можете, Леля, хоть завтра уже с новыми силами на научный фронт... Разрешите, я пролистаю личное дело?

Андрей Петрович отдал директору весь пакет документов.

— Только я должен вас предупредить, — сказал он, — что Леля человек сложный. И трудностей в прошлой школе избежать не удалось, поэтому два месяца учебного года она училась в другой школе в Москве. Это все есть в личном деле.

Директор кивал, слушая Андрея Петровича, и одновременно пролистывал бумаги. Прочитав последнюю страницу, он удивленно посмотрел на Лелю. Ей даже показалось, что в его взгляде мелькнул интерес:

— Устроила пожар в кабинете?

— Я не устраивала пожар, — сказала Леля.

— Да? А тут так написано, — возразил директор.

— Ерунда написана.

— Леля! — одернул ее отец.

— Вы знаете, Леля, я очень не люблю, когда дети врут, — сказал директор, — очень не люблю. Это хуже всего. Когда ребенок врёт, он отрицает свою ответственность. А это плохо потом в жизни аукнется и откликнется. Так, ладно... На учет в комиссию по делам несовершеннолетних вас не поставили после такого?

— Пришли к договоренности, что, если полгода Леля не будет нарушать никаких законов, запись о постановке на учет будет удалена из базы данных, — строго сказал Андрей Петрович, недовольный тем, что об этой неприятности так долго ведется разговор.

— Это хорошо. Зачем ребенку заранее жизнь ярлыками портить, да? И сколько вы, Леля, уже держитесь без нарушения законов?

— Пять месяцев.

— Желаю вам с тем же успехом продолжать в нашей школе. Я вас возьму, — сказал директор. — Андрей Петрович, к секретарю моему подойдите, она вам все расскажет и проводит, чтобы вы зачисление оформили. Если хотите, Леля, можете сейчас пойти посмотреть расписание десятого класса (он у нас один) и познакомиться с ребятами.

Леля и Андрей Петрович попрощались с директором.

— Я сейчас отдам документы. Ты пойдешь к одноклассникам? — спросил Лелю отец.

— Нет, — ответила она, — дай ключи от машины!

— Иди познакомься.

— Я не хочу.

— Как знаешь, — бросил отец и последовал за секретарем. Ключи он не дал, поэтому Леля вышла на улицу и, обдуваемая ноябрьским пронизывающим ветром, встала около внедорожника. К ее счастью, лестничная компания, как она прозвала ребят, сидящих на крыльце, уже ушла на уроки.

Завибрировал телефон. Трясущимися от холода руками Леля достала его из кармана куртки.

Мама писала: «Лелька, оцени черный пляж. Камчатка — красота!»

А дальше фотографий пять самых разных: и селфи, и просто пейзажи...

Леля отправила огненный смайлик в ответ и хотела уже написать маме, что переживает из-за перехода в новую школу; что уже, кажется, успела поссориться с од-

ноклассниками; что у нее сегодня с самого утра сильно болит голова, наверное, снова будет приступ мигрени, и как она с леденящим ужасом ждет этой невыносимой боли в висках и во лбу. Вдруг она подумала, что мама разозлится из-за того, что Леля скидывает на нее свои проблемы, мешая ей наслаждаться путешествием, и убрала телефон в карман.

3

После школы Андрей Петрович завез Лелю домой и, не сказав ей ни слова, уехал на работу. Новое назначение застало его врасплох, и он, пусть и уверенный в своих силах и опыте, все же не мог легко отнестись к ответственности, легшей на его плечи, и днями напролет сидел в кабинете, вникая в тонкости производства. Все к лучшему, считал он. Брак развалился, дочь явно не желает проводить с ним время. А так... хоть где-то полезен и важен.

Леля дома, не церемонясь, раскидала стянутые кое-как с ног берцы, бросила куртку на перилах лестницы, уже у себя в комнате стянула водолазку, затем юбку и в одних колготках и топе улеглась на постель. Страшно ныли виски и лоб, будто в голову поместили воздушный шар и надували его, надували, а он упирался в череп изнутри и давил, давил...

Неплотно закрытая дверь в комнату со скрипом приоткрылась, и большой старый сенбернар Филя медленно подошел к кровати. Не открывая глаз, Леля свесила руку, и Филя подsunул под нее пушистую голову. Леля нашла в себе силы повернуться, открыть глаза, хоть дневной свет и вызывал тошноту, и улыбнулась псу, легонько потрепав его по макушке. Лю-

дей удивляла его кличка. Казалось, что такая большая и солидная собака должна зваться Айроном, Графом или Бароном, но трехгодовалой Леле щенок показался похожим на собаку из передачи «Спокойной ночи, малыши!», которую ей включала мама. Так Филя и стал Филей.

Леля жила с папой. Так получилось при разводе: мама часто путешествовала, а когда возвращалась, была задействована почти во всех спектаклях и жила на репетициях. Не то чтобы у Андрея Петровича было много свободного времени, но он, в отличие от своей бывшей жены, никогда не хотел совершить кругосветное путешествие и забраться на Эльбрус, что сложно сделать, если нужно учитывать школьное расписание дочери. Леля восхищалась насыщенной жизнью матери и амбициями отца, и это рождало в ней интересное для нее самой внутреннее противостояние. Она не обижалась на отца и мать по отдельности как на людей с особыми привычками и чертами характера, но на них вместе — как на пару, как на родителей — она таила большую обиду. Их расставание было закономерным для любого здравомыслящего человека. С одной стороны мама, которой вечно не сиделось на месте, а с другой — папа, который считал, что самое главное в жизни построить дом, осесть в нем и успокоиться. Непримируемые противоречия, как они объяснили в суде. Леля, когда узнала о том, что родители ставят большую черную и жирную точку, только пожала плечами и, как ей показалось, особо не расстроилась. Но всю ночь все же проплакала, а тело тряслось, будто она находилась не в Москве, а в сугробе Антарктиды. Ту ночь Леля до сих пор считала самой страшной в жизни. И пусть она лежала

в кровати под теплым одеялом, в уюте и безопасности, но все же никак не могла отделаться от чувства, что вот-вот разъедется пол, а затем и земля — и все провалится к самому ядру, потому что постоянного нет ничего, как и нет ничего твердого; что все вязкое, тянущееся, и ноги в этом постоянно тонут, как в болоте или в сухом песке.

А потом папа съехал, чтобы не видеться с мамой до развода (тогда еще не было решено, что Леля останется жить с папой), и начался недолгий, но утомительный для всех бракоразводный процесс. Родители все делали мирно, по любви, как они говорили, но случалось Леле слышать и скандалы, которые заканчивались мамиными слезами и папиными хлопками дверью. И самое ужасное — Лелин мир так и не обрел ничего постоянного. Она до сих пор иногда спохватывалась и начинала прислушиваться: не трясется ли земля, вдруг планета наконец решила разрушиться следом за Лелиной семьей.

Страхи могли бы легко сгладиться отцовской улыбкой или маминым объятием, но родители, погруженные в свои заботы, не находили сил, чтобы позаботиться о ком-то, кроме них самих. Иногда мама думала: «Надо бы с Лелькой по магазинам пройтись», а потом представляла, как, по закону подлости, обязательно встретит знакомых и непременно эти знакомые полюбопытствуют, что это Андрей Петрович номер в отеле снимает, а не дома живет (откуда только всем все известно?!). И придется что-то придумывать, объяснять... «Нет, — думала Лелина мама, — нет сил, не сейчас. Как-нибудь потом прогуляемся. Лелька ведь все понимает и зла не держит».

Андрей Петрович тоже, просиживая вечера наедине с водкой в номере отеля, думал: «Кажется, у Лели родительское собрание, надо не забыть» — и забывал, закопавшись в важных документах на работе — все что угодно, только бы не отвечать на сообщения адвоката и не думать о жене... Почти бывшей, но от этого не менее любимой. «Понимаешь, болит, — говорил Андрей Петрович другу в один из таких вечеров после работы. Они сидели в ресторане. — Думаю, ну и черт с ней, хочет свободы, пусть получает. А ведь сказать — не почувствовать! Дом этот видеть не могу. Для нее ведь строил!»

Так и получалось, что Лелины переживания выслушать никто не мог. Стараясь отвлечь себя, она переключилась на модные журналы и не могла не сравнивать себя с красавицами с гляцевых страниц. Мама у Лели была красивой женщиной, и Леля всегда с гордостью считала, что похожа на нее, но как-то раз она захала к маме на работу. Шел спектакль, и она сидела в гримерной вместе с визажистами, ждала. Визажистами оказались две простенькие женщины, уже не юные, но еще в самом расцвете сил. И эти силы они решили потратить на Лелю. Одна, пышная и громкая, оглядела ее деловито и сказала:

— Какая-то ты бледненькая, крошка, сейчас добавим тебе красок!

И они покрыли несколькими слоями косметики Лелино лицо, особенно долго колдуя над глазами. Леля сжалась, ей все время хотелось оттолкнуть этих женщин. Кисточки в их руках не оставили ничего родного и знакомого на лице. «Неужели я так плоха? Неужели совсем некрасива?» — в ужасе думала Леля. Фото-

графии в журнале отвечали: «Да, все так, недостаточно красива», а зеркало подтверждало: «Ни высокого роста, ни грации, ни изящества, ни обаятельной улыбки, пышной груди — ничего». И Леля все больше замыкалась в себе. Через несколько дней после случая в маминой примерке она скупила почти весь магазин косметики и перестала носить обычные джинсы и свитера, заменив их яркой модной одеждой. Любой тренд, стоило ему только появиться, тут же оказывался в Лелином гардеробе. Она считала, что если с природной красотой не вышло, то одежда и макияж добавляют обаяния. А потом, со временем, от ненависти к своей внешности она пришла к пониманию, что ей и правда нравится краситься яркими тенями, носить блузку с перьями или надевать носки с босоножками. Она чувствовала себя собой — смелой, отличающейся от всех и способной выносить эту неординарность, несмотря на недовольные и осуждающие взгляды.

Выплескивая злобу на все: на родителей, на надоевшую до тошноты головную боль, на новую школу и одноклассников, Леля с силой, так же лежа на спине, стала колотить по кровати руками и ногами. Филя с интересом на нее посмотрел.

В дверь постучала и быстро вошла, не дожидаясь разрешения, тетя Таня. Леля часто злилась на нее за то, что личное пространство для той было лишь условностью, и никакие разговоры не помогали. Тетя Таня обещала, что будет стучать, действительно делала так первые пару дней, а потом все по новой.

Тетя Таня жила с Лелей и Андреем Петровичем уже около трех лет. Хотя правильнее будет сказать, что это они жили с ней. Когда Андрею Петровичу предложили высокую должность управляющего в москов-

ской компании, семья начала подыскивать себе жилье, и тетя Таня с искренним желанием и любовью предложила им свою большую квартиру, оставшуюся от мужа-композитора (тетя Таня удачно вышла замуж когда-то в молодости). Посоветавшись, Лелины родители сначала отказались: неудобно стеснять человека. Тетя Таня тогда расстроилась и даже, кажется, плакала во время разговора с Андреем Петровичем по телефону. Она была очень одинока. Родители сдались. Так и стали жить вместе. Тетя Таня любила готовить и заниматься домом и окружила заботой своих гостей. Возвращение Андрея Петровича и Лели в маленький городок стало для нее настоящим ударом. Она плакала, постоянно пила успокоительное и преданно заглядывала в глаза племяннику, надеясь, что он передумает. Андрей Петрович тетю любил и был ей благодарен за то, что она поддержала его, когда погибли его родители, едва ему исполнилось восемнадцать, был благодарен и за три года тепла и уюта, поэтому не вынес ее слез и предложил уже навсегда переехать жить к ним. Теперь, когда родители Лели развелись, домом занималась только тетя Таня.

Была она женщиной исключительно простой, доброй, безыскусной (Лелю всегда удивляло, как она с такими качествами умудрялась крутиться в кругах советской интеллигенции вместе с мужем-композитором), правда, уж очень любопытной. А еще любила давать советы, искренне считая, что благодаря ее невинным, сказанным добрым голосом замечаниям человек сможет стать лучше. Из-за последних двух пунктов у Лели были с ней сложные отношения, хотя простодушная тетя Таня об этой сложности и знать не знала, а Лелину скрытность, холодность и язвительность списывала на

переходный возраст и считала, что своей любовью рано или поздно отогреет эту «ледышечку».

— Леленька, я тебе принесла чай и грушевый пирог. Ой, а ты почему лежишь? Еще в таком виде... А если папа зайдет!

— Папы дома не бывает. А у меня голова болит.

Тетя Таня вздохнула:

— Бедный ты мой ребенок, мучаешься с детства. И за какие грехи?

— Пережатою нерву, тетя Тань, все равно, есть ли грехи. Он просто мешает крови нормально циркулировать — и все.

— «Скорую» вызвать?

— Нет, пока терплю.

В животе заурчало. Леля знала, что скоро головная боль станет еще невыносимее, поэтому лучше перекусить сейчас. Она со вздохом села на кровати, взяла у тети Тани чай и пирог.

— Тебе бы еще килограммчика три набрать, и красота! Грудь станет сразу попышнее, и вообще мягкость появится, — дала тетя Таня очередной бесценный совет.

Леля ее проигнорировала.

— Как все прошло в школе? — полюбопытствовала тетя Таня.

Она ждала Лелиного возвращения с самого утра — так ей не терпелось узнать подробности. Но Леля обманула ее ожидания, ответив, жуя пирог:

— Отфращительно, — проглотила кусочек и добавила: — Не пирог, в смысле, а школа. Успела перессориться с ребятами буквально на пороге.

— Надо же! А из-за чего вы поссорились? Кто начал?

Леля поморщилась, давая понять, что подробностей не будет, тогда тетя Таня назидательно сказала:

— Зачем ты так, Леленька? С людьми дружить нужно. Без людей плохо.

— Тетя Таня, а дружбы не бывает. Зачем пытаться, каждый за себя всегда. И всем друг от друга что-то надо. Я это точно знаю. Только вот Филя никогда не предаст, да, товарищ? — Леля снова с любовью почесала макушку сенбернара.

— Ты, Леленька, циничная. Это грустно. В первую очередь тебе и грустно. Как же ты жить-то дальше будешь с такими убеждениями?

— Еще счастливее многих. Без розовых очков. Все несчастья у людей от того, что очки трескаются рано или поздно, и стекла больно режут глаза.

— А все-таки ты не права.

— Да что вы!

— Мне вот от вас с Андрюшей ничего не надо. Я вас просто так люблю и просто так о вас забочусь. Видишь, Леленька, тебе нечего сказать, а это значит, что ты не права.

Леле было что сказать. Она давно заметила, что тетя Таня не особо стремилась «просто так заботиться» о них до тех пор, пока не поумирали все ее друзья и муж. И вот только тогда, когда огромная черная дыра одиночества стала особенно сильно затягивать, тетя Таня и пригласила их к себе.

Леля подумывала сказать это, но у нее ныла голова, и объясняться вечером с отцом, почему она довела тетю Таню до слез, сил не было совсем, поэтому Леля решила промолчать.

А тетя Таня, довольная своей победой и молчанием Лели, вышла из комнаты.

Леля хотела пойти в новую школу с понедельника, а эти четыре дня отлежаться дома. Тем более что мигрень хоть все-таки и не разыгралась в полную силу, но еще и не отступила до конца: ныли виски и болели глаза. Андрею Петровичу этот расклад не понравился.

— Не вижу необходимости откладывать неизбежное, — сказал он. — Ты уже и так пропустила порядочно уроков. А от мигрени как раз в школе отвлечешься. — Андрей Петрович в этот раз не верил жалобам Лели на головную боль, подозревая дочь в обычной лени.

Спорить с отцом бесполезно. Демократия в воспитании никогда не была его коньком.

Одевалась в первый школьный день Леля в особенно понуром настроении. Она представляла, как мутно и сложно будет вливаться в уже сложившийся коллектив, что нужно общаться, рассказывать о себе, слушать о других и проявлять хоть чуть-чуть искренний интерес...

А еще ее внешний вид. Сама Леля давно уже привыкла к повышенному вниманию и непониманию — плата за броскость, которая ей даже нравилась. Но у нее совершенно не было сил именно сегодня, чтобы отстаивать себя перед учителями. В прошлой школе, из которой ее попросили уйти из-за поджога (ту, в которой она училась последние два месяца, Леля даже не считала, потому что редко там появлялась), каждый пожилой преподаватель — а таких подавляющее большинство — считал своим святым моральным и воспитательным долгом указать ей на то, что, одеваясь так, она совершает страшную ошибку, которая приведет ее к самому печальному концу.

— К какому же? — интересовалась Леля всегда со смешком.

— К канонически плохому, — качая головой, будто уже скорбя по ее судьбе, отвечали преподаватели.

«Ну пусть хоть тут ко мне не лезут», — взмолилась Леля, выходя из папиной машины у школьных ворот.

— Хорошей учебы, — сказал папа, поглядывая на часы. — Сейчас эксцессы нежелательны.

Леля хлопнула дверью. Она смутно представляла значение слова «эксцесс», но догадалась, о чем попросил ее папа. Вообще, ей всегда было забавно общаться с отцом — без словаря канцеляризмов не обойтись. Андрей Петрович, большую часть времени и жизни проводя на работе, абсолютно забывал менять стиль речи на живой и человеческий, когда выходил из кабинета и оказывался в кругу семьи. Например, об отпуске папа говорил дома так: «С целью восполнить израсходованные жизненные ресурсы мною было принято решение отправиться к морю», а когда Леля о чем-нибудь просила его, он сдержанно, как на деловом собрании, говорил: «Я рассмотрю данный вопрос».

У поста охранника в школе Лелю встретила невысокая немолодая, но еще нестарая женщина с короткой стрижкой и ярким запахом цветочных сладких духов. Она с пугливым интересом окинула Лелю с головы до ног: от розовых в этот раз стрелок до топа, голого пупка и черных джинсов с разрезами на бедрах.

— Оля Стрижова? — спросила она, чуть помедлив.

— Да. Только Леля.

— Я Ксения Михайловна — твой классный руководитель. Пойдем, познакомлю тебя со всеми.

Ксения Михайловна шла чуть впереди, а Леля, глядя под ноги, плелась сзади. Видно было по тороп-

ливым и суетливым действиям учительницы, что ей неловко: она не знает, как реагировать на подобный вызов и эпатаж. Новый директор запрещал делать замечания по поводу внешнего вида детей, которые «так самовыражаются», с чем Ксения Михайловна была не согласна, но не отважилась возразить Сергею Никитичу, когда он озвучил свое требование, и сейчас неловко молчала.

— Так, ну второй и первый этажи у нас для малышей. Старшеклассники обитают в основном на четвертом. Сейчас у вас будет геометрия. Так, нам с тобой в четыреста одиннадцатый... Нет, не сюда, он чуть дальше, в этом закуточке... Да, проходи. Господа десятиклассники! — Ксения Михайловна похлопала в ладоши, привлекая внимание, когда они с Лелей вошли в светлый кабинет. Сначала никто не обратил внимания на их приход: пятеро ребят сидели на подоконнике и болтали, кто-то мыл доску, кто-то писал в тетради, остальные разбрелись по классу, собравшись группками.

Ксения Михайловна еще раз похлопала в ладоши и поздоровалась громче. Гул стал стихать, и двадцать пар глаз постепенно приклеились к вошедшим.

— Ну вот и славно. Всем доброе утро! Я хочу представить вам новую одноклассницу. Оля Стрижова. Оля к нам перевелась...

— Леля.

— Что? — не поняла Ксения Михайловна.

— Я предпочитаю форму имени Леля. Оля мне не нравится.

— А, — на миг растерялась Ксения Михайловна. Ей не пришлось по душе эта странная, так ярко и совсем некрасиво, на ее вкус, одевающаяся девочка, ее

новая ученица. — Леля к нам перевелась из гуманитарной московской школы. Литературы было много, да?

— Ага, по горло.

— Надо же... Значит, ты, если что, ребятам сможешь помочь с чем-то, что-то разъяснить.

— Разъяснить?

— Да.

— Разъяснить что-то могу.

— Прекрасно! Ну что, господа десятиклассники, вы знакомьтесь, а я пойду. Урок скоро начнется.

И она вышла из класса, как выходит трусоватый человек, оставляя в комнате наедине собаку и кошку, чтобы ему, не дай бог, не прилетело.

5

Леля немного постояла у доски, оглядывая одноклассников. Мальчики — высоченные и прыщавые, девочки — кругленькие, оформившиеся и с интересом во взгляде.

— К кому можно подсесть? — подала наконец голос Леля.

— Ни к кому. Все места заняты, — услышала она довольный, предвкушающий травлю голос.

Леля посмотрела на говорившую и мысленно приготовилась к борьбе, потому что узнала невысокую, крепкую, черноволосую Машу с темным пушком над верхней губой. Маша сидела на подоконнике в окружении подружек. Среди них Леля заметила Сонечку с большими, как две луны, светлыми глазами. Эти глаза и сейчас смотрели без неприязни, по-доброму, будто все понимая. «Не надо, не ругайся, они же просто ры-

чат. А кусаться никто на самом деле не хочет», — словно говорили они.

Прозвенел звонок и неспешно, переваливаясь с одной ноги на другую, вошла круглая, как шарик, учительница геометрии.

— Все садимся, — с одышкой сказала она, тяжело опускаясь на стул, потом заметила Лелю, оглядела ее с ног до головы и спросила: — А ты у нас кто, жар-птица?

— Новенькая.

— Ну садись, новенькая. Зовут-то как?

— Леля Стрижова.

Учительница кивнула и тут же сказала громко:

— Я тут вот что думаю, дети мои. Раз уж погода плохая, хмурая, может, и нам, чтобы от природного настроения не отставать, проверочную небольшую написать? О как! Даже в рифму получилось. Значит, точно напишем!

Пока класс недовольно тарахтел, Леля оглядела ряды. Мест все-таки было предостаточно, кто-то вообще один сидел. Но Леля чувствовала, что лучше никого не стеснять, поэтому дошла до последней парты в третьем ряду и села, положив перед собой сумку.

— Доставайте листочки, убирайте учебники, дети мои! — миролюбиво ворковала учительница, но все равно ее зычный голос перекрывал ропот школьников.

Когда иссякли десять минут, отведенные на написание формул, Зоя Ивановна, поправляя в маленьком зеркальце красную помаду на губах,скомандовала кому-то из класса собрать листочки у всех и принести ей.

Вызвался парень со шрамом в брови, именно с ним Леля так грубо обошлась, когда налетела на него в дверях.

— Вот и славно, Илюшенька. Вот спасибо! — умилилась Зоя Ивановна, пока Илья ходил по рядам.

Поскольку Леля сидела за самой последней партой третьего ряда, к ней Илья подошел в конце. Леля протянула ему абсолютно пустой листок, на который Илья бросил удивленный взгляд, а затем раздраженно глянул на Лелю и пошел к преподавательскому столу.

— Так, а это кто у нас такой умный, дети мои? — Зоя Ивановна подняла двумя пальцами с красными ногтями пустой листок и легонько потрясла над головой. — Новенькая?

— Да! — с вызовом крикнула Леля.

Зоя Ивановна покачала головой и со вздохом велела всем открывать учебники. А Леля достала наушники, положила голову на руки и закрыла глаза. Голова стала болеть ощутимее: сказывалось напряжение. Как бы Леля ни пыталась обрести внутреннее равновесие, которое она так успешно имитировала, ей это так и не удалось за все эти годы. И любая шпилька в ее сторону, конфликт или спор на какое-то время выбивали ее из колеи.

Резкий школьный звонок, будто прямо над головой, заставил Лелю резко поднять голову с парты. Одноклассники уже встали и с шумом собирали сумки, чтобы выйти из кабинета. Леля тоже сонно поднялась и потянулась.

— У тебя почти грудь видно, — сказала Маша, проходя мимо. — Позорище!

— Не смотри. Хотя лучше смотри, потому что красивую грудь в зеркале ты точно увидеть не можешь.

— Да там от груди одно название!

— Не нужно, — встряла Сонечка и подтолкнула Машу вперед.

Леля схватила сумку, сделала вид, что смотрит в телефон, до тех пор, пока последний человек не вышел из класса, и подошла к окну.

Снег еще не выпал. Бледной, смертельно больной и тоскливо тихой показалась Леле природа сейчас. В голых покачивающихся на ветру ветках берез виднелись сухие и пустые гнезда грачей.

Да, нескладно все началось, будто кто-то забыл настроить музыкальный инструмент, и сейчас он издавал неприятные уху звуки. Хотя, грустно подумала Леля, у нее уже все давно так нескладно. Черт с ними со всеми... Как-нибудь протянет до каникул, потом до следующих, потом до конца года, закончится десятый класс, потом снова до каникул дожить... Так и одиннадцатый класс к концу подойдет. Может, по работе отца они снова переедут. Было бы хорошо!

А если, вдруг подумалось, извиниться? Подойти к Маше и Сонечке и прямо так сказать: «Девчонки, не знаю, что нашло, давайте кофе вместе выпьем?» Мысль казалась заманчивой первые несколько секунд, а потом Леля представила то чувство унижения, которое испытает во время выбрасывания белого флага... А тут уже и мерзкий клоун снова стал дергать за ниточки, испугавшись, что его кукла задумала совершить что-то миролюбивое.

Черт с ними, еще раз решила Леля и тряхнула головой. Вдруг она задумалась, разблокировала теле-

фон и набрала в поисковике: «Сколько длится учебный год?»

175 дней... Сто. Семьдесят. Пять. Сто... Сколько же всего плохого может случиться за это бесконечное время.

Ну ничего! Просто пережить! А потом возьмутся силы откуда-нибудь на следующий год. А там и свобода...

Леля нашла в отражении в окне свои грустные, будто даже оттянутые вниз глаза, отвернулась и вышла из кабинета.

6

На следующее утро Андрей Петрович снова лично довез Лелю до школы. Она понимала, что с его стороны это не знак заботы, скорее контроль, чтобы не прогуливала. Смешной, думала Леля, да если бы она захотела сбежать с уроков, никакие ворота ее не остановили бы.

Школьный двор утром, как и обычно, походил на маленькую льдину, на которой столпились все пингвины округи. Черный, чистый внедорожник привлек взгляды, и ветер стал разносить от уха к уху: «Сколько же стоит?!», «Вот директора живут хорошо!», «Моим родителям на такую всю жизнь копить, наверное, надо».

— Без эксцессов, я помню, — сказала Леля отцу, перед тем как хлопнуть дверью машины.

На школьных ступенях Леля снова увидела прежнюю лестничную компанию. «Что у них тут за традиция такая — стоять в самом неудобном месте?» — удивилась она. Желания спорить она в себе не ощущала,

да и гаденький клоун не показывался, видимо, еще не проснулся, поэтому Леля решила подняться с другой стороны лестницы, чтобы не столкнуться с одноклассниками.

Звонкий голос все равно настиг ее.

— Крутая тачка, — сказала Маша, — вот интересно, сколько заводских денег надо отмыть, чтобы на такую заработать.

— Ты, даже если двадцать лет отмывать будешь, не заработаешь. А вот честно, с усердием, выполняя все заказы в срок, можно за год заработать. Но на этот путь у тебя мозгов не хватит. Так что так и так тебе не светит.

Леля и сама не знала, что ударила в самое больное место, которое ныло у Маши со времени, когда она начала сознавать себя и понимать окружающий мир. У них с родителями была маленькая двухкомнатная квартирка, которая по наследству перешла папе от бабушки. А бабушка в советское время получил ее от государства.

В квартире этой самая большая комната использовалась как гостиная и родительская спальня, а маленькую, почти каморку, отдали Маше. Свою комнату, оплот спокойствия, Маша обожала, но планировка у квартиры была неудобная: чтобы пройти в комнату родителей, нужно пройти насквозь маленькую Машину комнату. Получался вечный проходной двор. Маша пообещала себе, что окончит школу, уедет учиться в Москву, станет успешным адвокатом и вот тогда заживет в собственной комнате — или даже квартире — одна!

Страшно пугала Машу перспектива не поступить в хороший университет, ведь тогда останется только работенка в городе. На завод она не хотела ни за

что. «А зря, — говорил папа, — стабильно. И государству помогаешь». Маша ничего против патриотического и стабильного труда не имела, но чувствовала, что эта деятельность не для нее, оставшись, она просто наденет себе на шею якорь и утонет без шанса на спасение. И как же страдала мама от цеховой вредной пыли! Постоянный кашель, испорченные легкие. Нет! Маша иначе хотела. И, когда она смотрела на Лелю в таких хорошо сшитых, пусть и странных вещах, приезжающую в школу на большом и теплом внедорожнике (в то время как Маша обычно тряслась в продуваемом автобусе полчаса), ее охватывали злость и зависть. Ну почему, с обидой думала Маша, кому-то все: и учеба, и комфорт, и все открытые двери, даже если они этого недостойны (а неприятная заносчивая Леся, по мнению Маши, конечно, ничего этого не заслуживала), а кому-то барахтанье без надежды на то, что получится уцепиться за соломинку.

Когда Леся сказала, что Маше никогда не светит такая красивая, большая и дорогая машина, Маше сначала захотелось подбежать к ней и оттаскать за волосы, а потом заплакать от страха: вдруг и правда все мечты так и останутся мечтами, а жизнь распорядится жестоко, беспощадно...

Неизвестно, чем закончилась бы словесная дуэль, если бы парень со шрамом на брови, Ильяс, подойдя к ним, не сказал громко:

— А вы чего здесь? До урока три минуты.

Леся вздрогнула от неожиданности, а Маша отвлеклась от своих мучительных мыслей. Хор нестройных голосов вразнобой поздоровался с Ильей. Все двинули в школу.

В кабинете, сурово подперев бока, школьников ждал ноябрь: кто-то открыл окно перед уроком. Войдя в класс, Леля сразу вся сжалась и обхватила себя руками. Еще минут десять воздух будет нагреваться, с тоской подумала она, усаживаясь на холодный деревянный старый стул. Лелины одноклассники, шумя и разговаривая, расходились по кабинету.

Бодро вошел директор. Брючный костюм, судя во всему, он так и не приобрел, ходил в джинсах и пиджаке. Леля обрадовалась: он еще минут пятнадцать будет посвящать всех в организационные вопросы, а урок сократится. Но директор вопреки ожиданиям Лели закрыл за собой дверь, встал около пустующего учительского стола и попросил всех открыть учебники на сотой странице. Леля удивилась: «Так он еще и преподает?!» Мистика какая-то! В ее старой школе она директора видела только на мероприятиях и когда он вызывал ее к себе в кабинет, чтобы отругать.

— Ну что, всем респект и уважуха! — сказал он, когда ребята перестали шелестеть листами учебников и затихли. — Вы думаете, что я выражаюсь некультурно. А нет! Изучение жаргонизмов необходимо, чтобы в социуме люди могли понимать друг друга.

— Эти уже устарели, — сказал какой-то мальчик, Леля не поняла, кто именно.

— Вот как! — расстроился директор и со вздохом продолжил: — Наука и жаргон, как дети, на месте ни минуты не задерживаются. Не поспеть!

— Я вам составлю словарик.

— Составь, Мить, составь. А то вдруг вы мне скажете: «Хей, чел, гоу чилить, а то учеба — зашквар полный». А я не пойму. Это же ни к чему хорошему не приведет!

— Жиза, — поддакнул кто-то.

— А? — не понял директор. — Ну вот, видите!

По классу разнесся легкий смех.

— Ну что, — продолжил директор, — давайте по домашнему заданию пройдемся.

— А что, мы вам разве тетради не будем сдавать? — спросила девочка с первой парты.

— Был бы рад видеть ваши тетради, но я и так уже схожу с ума от количества текста в моей жизни. Кто хочет начать? Мы с вами тропы разбирали, если я правильно помню. Заданием было придумать свои примеры на каждый троп, верно? Ну, давайте, читайте каждый свои самые удачные находки. Вот прямо с первой парты и друг за другом.

Леля уроки не сделала: провалялась до ночи в наушниках, положив голову на Филю, которому разрешила запрыгнуть на кровать, да так и уснула. Даже не переделалась и макияж не смыла. Утром, собираясь в школу, Леля подумала, что нет смысла беспокоиться из-за домашнего задания, ведь все учатся спустя рукава. Если даже в ее, хорошей гуманитарной школе, все ленились, то уж в обычной... И когда директор попросить зачитать то, что было задано на дом, а все действительно один за другим произносили самостоятельно придуманные метафору или сравнение, Леля растерялась и все оставшееся время, ожидая, когда очередь дойдет до нее, набиралась с силами, чтобы начать отбивать недовольство директора. Он, Леля была уверена, и так уже к ней плохо относится. Преподаватели как-то легко истребляют в себе симпатию к ней, стоит им узнать о ее подвигах в прошлой школе и о постановке на учет в комиссии по делам несовершеннолетних.

— Да вы же знаете, что я не гуманитарий и все эти ваши метафоры, образы, переносные смыслы не для меня, я материалист, — сказал Илья, держа руку на тетрадке.

— А ты думаешь, я гуманитарий и виртуоз в переносных смыслах? Да я вообще только после армии к знаниям потянулся и то... не знаю... Филология подвернулась. Но быстренько что-то придумать все-таки могу. Смелее, Илья, смелее. Мы все учимся понемногу чему-нибудь и как-нибудь. Если бы ты слышал, какие примеры лично сочиненных метафор я приводил пару лет назад, ты бы отобрал у меня диплом.

— Ну хорошо, — нехотя сказал Илья и открыл тетрадь. — Метафора: над головой небесная лужа.

Леля улыбнулась.

— Материалист, материалист... То-то материалист, чтобы у нас все поэты такими материалистами были. Хорошо вышло! — сказал директор.

Очередь быстро дошла до Лели. Все повернулись с интересом к ней: ждали, что выдаст новенькая со стразами около глаз.

— Я не сделала, — сказала Леля с вызовом.

— Жалко, конечно, — вздохнул директор, — было бы интересно услышать, как ты видишь мир. А сейчас в голову ничего не идет? Сравнение, может, или метафора?.. А вдруг и синекдоха!

— А я мир не вижу, я вижу только себя.

— М-да, треш, — послышалось откуда-то с первого ряда.

— Ну что ж, если у тебя пока так взгляд направлен, то, конечно, как от слепого требовать описать краски... Я тоже когда-то только себя видел. Это от близорукости. Надо с течением жизни учиться носить очки, Ле-

ля. Надо. Или жизнь заставит. А все-таки лучше самой научиться.

Леля ехидно улыбнулась, как бы давая понять, что пропустила все сказанное мимо ушей, а сама погрузилась. Но лицо держала! С интересом она стала наблюдать, как вели себя одноклассники на уроке. В основном ничего особенного. Кто-то в телефоне сидел, некоторые перешептывались. В очередной раз привлек Лелино внимание Илья. Она поняла, что уроки — его звездные часы. Он говорил не меньше Сергея Никитича и обязательно вставлял что-то заумное вроде:

— Ну, очевидно, что тут у Тютчева отсылка к Паскалю.

К концу урока Леля, устав от чрезмерной эрудированности Ильи, только закатывала глаза.

Когда прозвенел звонок, Леля забежала в женский туалет, чтобы проверить в зеркале, не осыпалась ли тушь и не стерлась ли помада с губ. Увидев свои уставшие глаза, Леля слабо улыбнулась и сказала себе: «Не раскисай, дружок». Новая школа давалась ей трудно. И зачем она так начинает! Ведь несложно посидеть часик над уроками! Иногда даже интересно... Да и пообщалась с одноклассниками из-за пустяка, а они теперь по любому поводу ее задевают. Вот после урока Маша прошипела, проходя мимо: «Ну и ду-у-ура». Но Леля не могла сменить выбранный курс. Ей казалось это ужасно унижительным, будто милостыню попросить. Она и в детстве не извинялась, даже когда понимала, что была не права. Просто выжидала какое-то время, а потом все само забывалось...

Мигнул экран телефона: мама прислала фотографии из путешествия. Леля, не глядя на них, стала печатать сообщение:

«Мама, у меня что-то совсем не заладилось...»

Потом взгляделась в мамину аватарку. Это было селфи, сделанное после массажа. В волосах цветов. Эта красивая молодая женщина — ее мама. Леля представила, как она получает огромную поэму о Лелиных трудностях и несчастьях и... Что? Наверное, другая мама позвонила бы или даже приехала бы поддержать ребенка. Но Леля никак не могла представить свою маму в прекрасном ярком путешествии, волнующейся о бедах дочери. Она даже до развода не отличалась эмпатией, а получив свободу... Нет, эта красивая женщина на аватарке и не хочет быть матерью. Любит, Леля не сомневалась в этом, но быть матерью не хочет. Леля стерла сообщение, отправила привычный смайлик и убрала телефон в карман.

Послышались девичьи голоса. Леле не хотелось ни с кем встречаться, и она проворно забежала в туалетную кабинку. Девочки вошли и включили воду.

— Так что у тебя с олимпиадой, ты не договорила.

— Подожди, пишу завтра региональный этап. А потом уже увидим...

Леля узнала голоса Маши и Сонечки.

— Хорошо бы, конечно, победить, — сказала Маша. — Я так мечтаю! Это же почти стопроцентное поступление.

— Победишь.

— Я вчера до трех ночи сидела, решала задания прошлых лет. Мне иногда кажется, что их составляли какие-то страшные люди. Маньяки! Не знаю, кем надо быть и какие мозги иметь, чтобы выигрывать в таких штуках.

— Твои мозги. Ты очень стараешься. Все не зря.

— Родители согласились выделить деньги на репетитора, если смогу победить в регионе, чтобы к Всероссийскому готовиться. Мне очень стыдно перед ними, но куда деваться. Вот разбогатею и все им верну. Я еще сказала им, что занятия с репетитором — это мне подарок на день рождения, чтобы не расстраивались, что не хватает.

Девочки замолчали. Леля прислушалась, стараясь по звукам понять, что они делают.

— Черт, — сказала вдруг Маша расстроено.

— Что такое?

— Да проверяла объявление репетитора, который готовит к олимпиадам. Он цену поднял... Я родителей на тысячу-то еле уговорила, за тысячу пятьсот они точно не согласятся.

— Другого найдешь!

— Мне хороший нужен. Этого рекомендовала девочка, которая побеждала. Ну как так! — Леле показалось, что Маша готова расплакаться. — Я постоянно пытаюсь, пытаюсь, а ничего не складывается и не складывается!.. Я сплю с учебниками, но этого мало! Не знаю, что еще... Как мне выбраться, Сонь? Куда я постоплю? Может, правда, лучше принять уже, что мой потолок тут...

— Так-так, нос повесила! Ты чего, — Соня заговорила тише, и Леля поняла, что девочки обнялись, — сейчас не складывается, а потом как сложится, да еще так, что ты обалдеешь от счастья!

— Ты видела, у этой новенькой какая сумка? Ее продать, так мне полгода хватило бы репетитора оплачивать.

— Не считай чужие деньги.

— Да я просто не понимаю! Это нечестно! Я умная, могу так много: и плавать, и рисовать, и учиться хорошо, но родители ничего из этих секций оплатить не могут. А ей... Она ведь круглая дура, ты видела ее сегодня? Несправедливо.

— Ты не знаешь, какая у нее жизнь.

— Слушай, Сонь, ну выключи святую, а! Дай поныть просто.

— Ной. А хочешь, я тебе булочку куплю?

Они ушли. Леля вернулась к раковине и снова посмотрела на себя. Вдруг стукнула дверь туалетной кабинки. Длинноволосая пухленькая хорошенькая блондинка в черных «конверсах» и модном трикотажном платье встала у соседней раковины. Бросая изредка на Лелю взгляды, она помыла руки, неспешно вытерла их бумажным полотенцем и выбросила его в урну.

— Это ты та новенькая? — спросила она со спокойным интересом.

— Которая круглая дура? Ага...

— Ясно. Привет! — Блондинка протянула Леле руку. — Я Надя. Из одиннадцатого.

Леля скорее автоматически, чем осознанно, ответила на рукопожатие.

— Что, отношения с одноклассниками не задались? — спросила Надя, прислонившись к раковине.

— Иногда мне кажется, что мне надо с осторожностью ходить по темным переулкам.

— Советую не принимать близко к сердцу. В этой школе, как и в этом городишке чертовом, индивидуальность не в почете. Я тоже особой любовью у своих не пользуюсь. Но меня не волнует.

— Ты тоже новенькой была?

— Да если бы! — хохотнула Надя, откинув длинные светлые ухоженные волосы с плеча. — Ты наверняка уже слышала, что мой папа — тот самый Исаев. У него сеть супермаркетов, — добавила Надя, видя, что Леле ничего не сказала фамилия. — Так вот. Меня всю жизнь в школе тиранят из-за того, что у меня телефоны крутые и одежда хорошая, а у других все не так. Ну я уверена, ты понимаешь.

Леля кивнула. У нее из памяти как-то разом улетучилось воспоминание о том, как она нагрубилла одноклассникам в первый же день на ступеньках, и теперь ей действительно стало казаться, что все дело в ее последнем айфоне и папином внедорожнике. Впервые почувствовав понимание, она сразу потянулась к уверенной в себе Наде всей душой.

— Ну ладно, ты не дрейфь. Тут нормально выживается. Главное — не давай себя в обиду. Это твой аккаунт? — она повернула к Леле экран телефона. — Я кинула заявку в друзья. Спишемся как-нибудь.

Надя улыбнулась и направилась к выходу. Леля смотрела ей вслед, а потом вдруг, подхлестнутая большим тоскливым чувством одиночества, спросила:

— А ты сейчас на урок?

Надя обернулась, положив руку на дверь:

— По идее, да, а что?

— А не хочешь кофе попить?

— Кофе... — Надя задумалась, потом пожала плечами. — Почему нет? Давай! Я знаю хорошую кофейню.

Они направились на первый этаж. Раздевалки десятого класса и одиннадцатого были в разных концах коридора, поэтому ненадолго им пришлось разделиться. Быстро накинув куртку, Леля поспешила к выходу из раздевалки и вдруг на кого-то налетела.

— Извини за то, что мы столкнулись, и предупреждаю, что грубить, как в прошлый раз, совсем необязательно.

Леля подняла голову и увидела Илью. Он тоже был в куртке и от него пахло сигаретами. Видимо, выходил покурить.

Смотрел он на Лелю равнодушно, а говорил будто бы даже с раздражением:

— И, кстати, у нас сейчас английский, если ты вдруг забыла.

Отвечать Леле не хотелось, она молча обошла Илью и продолжила путь к выходу.

7

В кофейне было пусто. Только сонный бариста лениво протирал чистые кружки.

— Да в этом городе не принято по кафе ходить. Папа как-то даже сказал, что здесь посещают только два места: работу и продуктовый, — сказала Надя.

Они сели за дальний стол у окна. Небо затянуло тучами, и в помещении царил холодный полумрак. Леля зевнула, а потом посмотрела на Надю. Она еще в туалете показалась Леле красивой, но при дневном, пусть и тусклом свете Надя оказалась невероятно прелестной. Миловидных лиц много, гораздо меньше уникальных в своей красоте. А Надя обладала таким необыкновенно узким, изящным разрезом глаз, что казалось, будто она всегда слегка хитрит, и приподнятые внешние уголки глаз создавали ощущение вечной полуулыбки на ее лице.

Бариста, молодой парень, принес две чашки кофе. Надя подождала, когда он уйдет, и негромко сказала Леле, кивнув на него:

— Как, наверное, погано понимать, что ничего большого и великого в твоей жизни уже не будет. Только какая-нибудь жена, дети, на которых вечно будут нужны деньги, а потом и старость.

Леля посмотрела на бариста. Лицо его не было злым, он пританцовывал под музыку, занимаясь чем-то за стойкой. Казалось, что впереди у него только хорошее.

— Да ладно, с чего ты взяла, — сказала Леля.

— Потому что я знаю этот город. Отсюда либо уезжают учиться в институт, либо остаются тут навсегда, хоть и тешат себя мыслью, что обязательно вырвутся. Каждый раз, когда вижу разочарованных жизнью касиров в магазине, радуюсь, что у меня есть такой трамплин. Ну ты должна меня понять. Твой папа тоже тебя сможет подстраховать в любом случае. Он же у тебя управляющий на заводе, да?

— Угу.

— Мой папа, кстати, хвалил его. Сказал, что он у тебя крутой руководитель и вообще умный очень.

— Куда ты хочешь поступать?

— В Москву, естественно. Я люблю повеселиться. Тут негде. Мы с друзьями уже со скуки мрем. А вы ведь в Москве жили, да? Как тебе?

— Было круто, — охотно отозвалась Леля, — у меня была компания близких друзей в старой школе. Мы постоянно что-то придумывали. Жорж, это мы так называли Геру, моего друга, умудрялся по знакомству протаскивать нас на закрытые вечеринки. Было невероятно весело! Мне не хватает сейчас...

— Ты с друзьями московскими общаешься еще?

— Нет, — чуть помедлив, ответила Леля, — не общаемся. И мне, честно говоря, страшно одиноко. Совер-

шенно... гадкое чувство. Такое ужасное ощущение всеобщей ненужности.

— Да, знакомо, — сочувственно улыбнулась Надя.

Леся и сама не могла понять, как она, такая закрытая, вдруг призналась в очень личном переживании едва знакомой девушке. Но объяснялось все очень просто: избитый человек с большой радостью и благодарностью хватается за того, кто первый присаживается около него, дает попить воды, промывает раны и окутывает сочувствием.

— А как ты справляешься с тотальной ненавистью одноклассников? — спросила Леся. — Потому что я... со мной такого не было. В московской школе как-то сразу друзья появились... И не то чтобы я так уж ищу одобрения ребят, просто выматывает, понимаешь... Каждый день как на войне. Я умею удары отражать, но постоянно, это, понимаешь, совсем невыносимо.

Надя пожала плечами.

— Я уже легко к этой тотальной, как ты сказала, ненависти отношусь. Мне просто глубоко плевать. А еще мне их немного жалко.

— Почему жалко?

— Они не мы. Это у нас с тобой прекрасное будущее впереди и куча возможностей. А у большинства что? Ты же слышала эту девочку в туалете: родители на заводе получают копейки. Перспектив никаких: либо институт (но это для умненьких, а их мало), либо тоже завод. Вот они и злятся на таких, как мы. Ну и пусть злятся! Разве я виновата, что мне повезло родиться в обеспеченной семье. Я когда узнала, что ты в нашу школу пришла, подумала, что к тебе нужно подойти.

— Почему?

— Таким, как мы, нужно держаться вместе. Не хочу казаться высокомерной снобкой, но это правда жизни. Есть те, кому повезло больше, а есть те, кому меньше. Последние злятся на весь мир, а первые идут семимильными шагами вперед. Не знаю, как тебе, а мне никогда не было интересно с теми, кто... — Надя задумалась, подбирая слова: — Ну... кому повезло меньше. Они как-то даже мыслят иначе: нешироко, несвободно. Унылые такие, всего боятся. Я вот ничего не боюсь. Уверена, ты меня понимаешь. Хочу попробовать все! Хочу проглотить жизнь большими кусками! И не боюсь подавиться.

Пока Надя говорила, Леля молчала и размышляла о ее словах. Иногда ей хотелось отшатнуться от собеседницы — таким недетским цинизмом веяло от всего ею сказанного, а потом все же Леля, вспоминая отдельные моменты жизни, соглашалась с ней. К концу их беседы она решила, что Надя своеобразная и вполне имеет на это право. Ее спокойствие и самоуверенность понравились Леле, запечатлев Надю в Лелиной голове как хорошую и приятную знакомую.

Перед выходом из кофейни, когда встреча подошла к концу, Леля забежала в женский туалет, а когда вернулась, Надя что-то читала в телефоне уже полностью одетая.

— Слушай, — сказала она весело, — меня друзья пригласили потусить. Хочешь с нами? Ты говорила, тебе одиноко. У меня друзья нормальные, если что, можешь не переживать за безопасность там, выпивку...

— Я верю.

— Поедешь? От всей души приглашаю, правда. Мы круто посидели. Ты мне понравилась.

Леля улыбнулась:

— Почему нет? Спасибо!

Леля зашла в квартиру и осторожно прикрыла за собой дверь, надеясь, что папы еще нет. Снимая обувь, она покачнулась и случайно уронила ключи с тумбочки, на которую до этого бросила их. Ну и звон! Леля замерла. Едва слышно цокая когтями по паркету, пришел посмотреть на происходящее Филя. Больше никого. Кажется, папы нет, а тетя Таня наверняка прилегла подремать.

На всякий случай на цыпочках Леля кралась в свою комнату. Все так же цокая когтями по полу, за ней по пятам шел пес с абсолютным доверием наблюдая за действиями хозяйки.

Вот! Еще две двери — и Лелина комната. Там можно будет закрыться и закутаться в одеяло. Из-за приставучего, пробирающего до костей ветра Леля продрогла так, что вся тряслась, а ноги неприятно ныли, как перед болезнью. Только бы добежать... Только бы! Папа обычно не заходит в Лелину комнату, когда возвращается с работы, но, если они натыкаются друг на друга в коридоре или на кухне, он считает нужным поговорить, а разговор не клеится, потому что глубокая обида на родителей намертво зашивала Леле рот, а все мысли Андрея Петровича были исключительно о новой должности — спасительной соломинке, которая не позволяла утонуть в мыслях более ранящих.

Вот наконец комната! И вдруг за спиной послышалось строгое папино:

— Сюда подойди.

Леля знала одну простую аксиому. Если хитришь и нарушаешь правила, есть два варианта: не попадешься и попадешься. В первом случае стоит радоваться

и рисковать дальше, до тех пор пока не наступит второй случай. А вот если попадешься, стоит быстро искоренить в себе досаду на неудачное стечение обстоятельств и смело встретиться с неизбежным последствием. Дальше же, если хватит смелости, все снова с двумя неизвестными результатами. Леля всегда получала удовольствие от азарта и интриги: повезет ей в этот раз или нет. Первое время ей, воспитанной девочке, было ужасно стыдно перед родителями за то, что они ловили ее на проделках, но переставать она назло им не собиралась. И постепенно заматерела. Поняв, что сейчас последует неминуемое наказание, она нисколько не расстроилась. Только подсадовала, что в кровать попадет не меньше чем через пятнадцать минут. А ноги ломило безбожно. Было бы неплохо поболеть пару дней.

В папиной спальне свет был приглушен. Горели только прикроватные светильники. Леля давно не заходила в эту комнату. А что ей здесь делать? Раньше-то она забегала утащить мамину тушь или кофточку, а теперь... Опустело. И даже папа здесь будто чужой, не хозяин вовсе.

Леля прошла по комнате и села в кресло около окна. Андрей Петрович снял пиджак и часы, ослабил галстук, закатал рукава белой рубашки (только вернулся с работы, поняла Леля) и устало опустился на край кровати напротив дочери. На прикроватной тумбочке Леля увидела пирог тети Тани и чай. Видимо, папа собирался перекусить.

— Где ты находилась в течение этого времени?

— В школе, — не моргнув глазом, соврала Леля. Дело привычное. Более того, Леля знала, что папа понимает, что она врет. А Андрей Петрович знал, что она это знает. Так он еще больше злился.

Дверь со скрипом приоткрылась, и в комнату вошел Филя. Со старческим вздохом в полной тишине он улегся у ног Андрея Петровича.

— Сегодня получил звонок от Ксении Михайловны. Она интересовалась состоянием твоего здоровья.

— Здоровья?

— Ввиду того, что ты не явилась на уроки, а твой одноклассник сказал, что ты заболела, она позвонила узнать, что именно случилось.

Леля на секунду озадачилась, кто ее прикрыл (неужели тот неприятный парень?), но потом эта мысль испарилась, и она сосредоточилась на разговоре.

— А ты что? — спросила она.

— Я уведомил ее, что в данный момент нахожусь на работе и обязательно уточню, как твое состояние. Позвонил Татьяне Николаевне, попросил ее передать тебе трубку и получил простодушный ответ, что ты еще из школы не вернулась.

— И что классная?

— Поскольку я тебе все-таки не враг (держишь ли ты эту мысль в сознании, я не знаю), я уведомил твою классную руководительницу, что ты страдаешь мигренями, особенно когда перенервничает. Она согласилась, что приход в новый коллектив — это стресс.

— Что ж, мудрый поступок, папа... — Леля собралась уйти.

Папа властным жестом велел ей сесть.

— Где ты находилась в течение этого времени? — повторил он.

Леля молчала. Через несколько минут тишины Андрей Петрович покачал головой, потянулся к кружке на прикроватном столике и хотел отпить чай, но как-то неудачно повел рукой, и чай выплеснулся ему на брю-

ки. Андрей Петрович только устало прикрыл глаза, хотя Леля была уверена, что внутри у отца все закипело от раздражения.

Леля встала, чтобы уйти. Папа ее не остановил, только сказал:

— Я не знаю, что с тобой делать, Лелька. Я так устал!

Леля замерла. Настолько по-человечески, без деловой сухости и с надломом это прозвучало, что она даже открыла рот, чтобы ответить искренностью на искренность, но что-то ее остановило. Она никогда не умела выражать свои чувства и даже намеренно сдерживала слезы, когда плакали все, — не хватало еще, чтобы кто-то увидел ее слабость.

— Се ля ви, — пропела Леля, все-таки решив, что не стоит папу пускать в душу.

В комнате, не раздеваясь, только сбросив джинсы, Леля в колготках и кофте забралась под одеяло. Удача, что папа не унюхал запах спиртного. Все-таки Надя и ее друзья сегодня влили в нее порядочно! И как было весело! Никаких нотаций, проблем, злых взглядов, зависти!

Леля распахнула глаза около четырех утра. Колготки неприятно давили на живот. Она стянула их до бедер. Когда живот перестал ныть, стало ясно, что проснулась она не из-за этого, а из-за колотящегося сердца. Леля понимала, что ничего страшного с ней не происходит. Вот ее комната, теплое одеяло, большое пятно на полу — это дремлющий Филя. Но отчего-то не могла успокоиться. Она ощущала знакомое с развода родителей чувство тревоги, беспомощность, будто залезла на высокую приставную лестницу, а та покачнулась. Душа ушла в холодные от страха пятки.

Казалось, что вся жизнь — одна сплошная шатающаяся лестница и спуститься нет возможности!

Леля хотела встать и пройтись по комнате, может, открыть окно, но не было сил вылезти из-под нагретого одеяла. Она закрыла глаза и хотела уснуть, но не могла успокоиться. Ноги дрожали, хотя под одеялом было тепло, а бедра напряглись, как при приседаниях.

«Боже мой, пусть пройдет, пусть пройдет!» — думала Леля, сама не зная, что должно закончиться, потому что не находила разумной причины того страха, который испытывает.

Вдруг она догадалась, что надо отвлечь мозг. Сейчас он крутит только одну мысль: «Ужас!» Пусть сосредоточится на чем-то другом. Леля пыталась припомнить какой-нибудь стих, но она их не любила и не знала наизусть. Тогда решила сосредоточиться на песнях. В голову лез только репертуар таксиста, который вез ее домой, а он слушал «Короля и Шута». От песни о скелете в девичьем платье Леля чуть не заплакала и поспешно, будто нашкодивший котенок, удрала в другие мысли. Ей вспомнилось, как в детстве мама в приступе материнской любви иногда пела ей на ночь песню... Как же ее? Про корабль... Только там иначе... Крейсер! Крейсер «Аврора»! Вот бы сейчас строки вспомнить. Дремлет на-на-на-на северный город. Мокрое (или какое-то еще, не важно) небо-о-о над голово-о-ой... Что тебе сни-ится, крейсер «Аврора», в час, когда та-да-дам встает над Нево-о-ой. А дальше? Боже мой, не вспоминается! Не важно! Дремлет... дремлет тада-дам северный город...

Раз за разом Леля заставляла себя сосредоточиться на детской песне, когда ужас накатывал с новой силой. Она знала, что главное — не дать слабину, не отвлечься на страх, потому что он унесет далеко-далеко. Не выплыть!

Постепенно слова песни стали звучать не так отчетливо в голове, притупились и другие чувства — Леля наконец уснула.

А наутро с трудом разлепила уставшие и опухшие от слез глаза (снился день после развода родителей). Виски и лоб беспощадно и безнадежно ныли.

— Мигрень, кажется, опять начинается, — как ветер в листве, прошелестела она почти без сил по дороге в школу.

— Есть таблетки? — папа бросил на нее быстрый взгляд.

— Да, выпила две уже. Можно все-таки дома отлежаться? Я вызову у школы такси и домой уеду.

Папа остановился у бордюра и посмотрел на Лелю внимательно.

— Вчера я наблюдал тебя вполне здоровой.

— Я плохо спала. Повлияло, наверное. Ты мне скажи, можно или нет? Надо, чтобы ты предупредил классную.

— Ввиду того, что я знаю о твоей так сказать особенности, я тебе, конечно, сейчас поверю, Леля. Но мы оба понимаем, что ты иногда злоупотребляешь...

— Боже! Да отсижу я эти чертовы уроки! Счастливы?

Леля не стала слушать, что там бубнит папа. В такие моменты он начинал говорить очень нудно и долго, как будто читал философский трактат без интонации. Кипя от возмущения и оскорбленная папиным недоверием, Леля шла к школе. Одноклассники снова стояли на ступеньках и громко смеялись. Где-то в глубине уставшей и пульсирующей Лелиной головы мелькнуло удивление: какой тут дружный класс. В ее старой школе все общались стайками.

Когда она поднималась по ступенькам, какая-то высокая девочка сказала:

— И это Машке-то мозгов не хватит на дорогую тачку? А самой? В гуманитарной гимназии училась, а на литературе и двух слов толковых сказать не могла.

Леля посмотрела на эту девочку, но не увидела ее — все расплывалось. И в голове от резкого поворота головы, будто два поезда столкнулись, скрежет, шум, крик, удар... Все-таки самый настоящий приступ. А она так надеялась, что обойдется.

Леля ничего не ответила, поспешила войти в здание и начала рыться в сумке в поисках таблеток. Нужно выпить еще одну, и станет легче, не так мучительно... С каждой минутой становясь все злее и нетерпеливее, Леля потрясла сумку и вывалила содержимое на диванчик в коридоре. Нет! Таблетки она все-таки забыла. Ладно, нестрашно, подумала Леля, собирая трясущими от боли руками вываленные учебники и тетрадки. Есть еще медсестра! Леля быстро добралась до ее кабинета. Подергала. Заперт.

— А где?.. — спросила она у уборщицы, не найдя в себе сил даже договорить.

— Приходит обычно после второго урока.

Сорок пять минут — это она сможет вынести. А потом ей дадут еще одну обезболивающую таблетку. Как же она могла оставить упаковку на столе!

Добравшись до класса, Леля сразу села и положила голову на прохладную парту. Звонок огрел ее по голове похлеще чугунной сковородки. Как сквозь толщу воды она услышала, как ученики задвигали стульями и встали, видимо, учитель вошел.

— Good morning!

Класс недружно прогудел: «Good morning, Анна Романовна».

На секунду воцарилось молчание. Леля не могла угадать по звукам, что происходит. А потом услышала:

— Это новенькая. Да не обращайтесь на нее внимания, она всегда такая...

— Как зовут? — очень тихо спросила учительница.

— Оля Стрижова, — ответил кто-то.

Быстрый топот каблуков. Лелю неприятно обдало прохладным воздухом, отчего по телу побежали мурашки.

— Оля, у вас все хорошо?

Леля с трудом подняла голову и наткнулась на улыбчивые глаза. Учительница совсем молоденькая, наверное, только институт окончила. И обращается по институтской привычке еще на «вы». Взрослые учителя только тыкают.

— Голова, — поморщившись, ответила Леля.

— Болеее? Может, вам к медсестре.

— Болеее-болеее! — со смехом крикнула Маша. — На голову больная!

Все засмеялись. А в Леле вдруг поднялась такая ярость, какую она давно не ощущала и которая, будто скопировав силу головной боли, вмиг разрослась до таких же масштабов. Скорее всего, дело было в громком, звонком и ужасно противном Машинном голосе.

— Медсестры нет на месте, — сказала Леля учительнице, стараясь не обращать на Машу внимания.

— Да? А вы когда ее искали? Я вот на урок шла и видела, как она дверь открывала. Вы идите, посмотрите. А то бледная совсем. Вам дать кого-то в сопровождающие? Упадете еще в обморок...

— Не надо никого.

Леля поднялась и, сгорбившись, пошатываясь, пошла к выходу из класса. Она старалась лишней раз не шевелить глазами яблоками и даже языком, чтобы в голове не проносилась холодная молния.

— Боже мой, какие мы нежные, — догнал ее звонкий Машин шепот, который намеренно звучал громко. — У нашей барышни головка болеть изволит. Папочка, наверное, сейчас примчится утешать. Интересно, а если я ее пальчиком задену, заплачет?

Леля не могла сказать, откуда взялись силы. Просто раненый пушистый зверек внутри ее, который только что стонал от боли, вдруг превратился в огромного косматого зверя: то ли волка, то ли медведя — и с горящими глазами кинулся на добычу. Вмиг Леля оказалась около Маши, схватив перед этим грязную тряпку, которой вытирали доску, и затолкала Маше в рот. Маша завизжала и замотала головой, отталкивая от себя Лелю. В классе поднялся шум. Все повскакивали со своих мест. Растерянный вскрик Анны Романовны утонул в шуме отодвигающихся стульев и гомона.

Леля схватила Машу за волосы и с усердием потянула. Девчачий визг стал еще выше и звонче. Маша заколотила кулаками по Лелиным рукам и груди — куда попадала. А Леля прошептала:

— Видишь, плачешь тут только ты.

Вдруг кто-то схватил Лелю почти за шкуру, как котенка, и оттащил от Маши.

— С ума сошла, что ли! — раздраженно сказал Илья и встал между девочками, расставив руки. Где-то позади него мелькало взволнованное и бледное лицо Анны Романовны.

— Вы видели?! — дрожащими губами пролепетала Маша, вытащив наконец изо рта тряпку. — Видели?! Ненормальная! Больная! Психованная!

— Да помолчи ты, — поморщился Илья, — тоже хороша! А ты? — он внимательно посмотрел Леле прямо в глаза. — Совсем тормозов нет? Бить — это последнее дело.

Лелю, как и любого человека, который уже совершил неблагоприятный поступок, страшно раздражали те, кто смотрел на нее с видом праведника. Хотелось назло таким стать еще хуже, только бы не дать понять, как на самом деле тоже хочется оказаться на этой вершине нравственности. Леля собиралась ответить Илье, не сдерживаясь в выражениях. Но вдруг та боль, которую она выплеснула на Машу, вернулась к ней в утроенном виде. Леля потеряла виски, в глазах стало мутнеть, и к горлу подкатила тошнота. Она покачнулась. Илья успел придержать ее за локоть.

— Ты чего? — испугался он.

— Ой-ой! — возникла вдруг рядом Анна Романовна. — Все, пойдем к медсестре. Если ее нет, «Скорую» вызовем. Так, — она повернулась к классу, — вы все сидите тут и ждите меня. Илья! За главного! Сделай так, чтобы больше никого не избили, не выкинули в окно и не повесили на собственных косах.

На лестнице Анна Романовна, осторожно придерживая Лелю под локоть, помогла ей спуститься с третьего этажа. Еще издали Леля с облегчением заметила, что дверь в кабинет медсестры открыта настежь и там расставляет папки с документами женщина в белом халате.

— Что это тут у нас? — спросила она, когда Анна Романовна ввела Лелю.

— Я не знаю. Пошатнулась, побледнела... — растерянно начала учительница.

— Мигрень, — коротко сказала Леля, потирая виски пальцами. Боль перекатывалась под подушечками.

— Ох-ох-ох, — покачала головой медсестра. — Мигрень... Давно у тебя так?

— С детства. Всю жизнь. Я таблетки обезболивающие не взяла.

— Это плохо, что не взяла. У нас тут ничего сильнее парацетамола нет.

— Я пойду. У меня там дети в классе, — сказала Анна Романовна. — Оля, я позвоню сейчас твоей классной руководительнице. У тебя кто?

— Не надо, сама разберусь.

Анна Романовна хотела что-то еще сказать, но, видимо, не нашла слов и быстро вышла из кабинета.

— «Скорую» вызвать? — спросила медсестра, меряя Леле пульс.

— Лучше домой отпустите.

— Домо-о-ой, — протянула медсестра. — А может, у тебя не болит ничего? Врешь, может? Что у вас, контрольная, что ли?

— Ну хотите, папе позвоните. Он вам скажет. «Скорую» не надо, потому что толку от нее нет. Они только укол ставят, а он особо не помогает. Мне мои обезболивающие гораздо лучше помогают. А они дома. — Все это Леля говорила очень медленно, едва ворочая языком.

Видимо, выглядела она правда болезненно, потому что медсестра сочувственно оглядела ее и сказала:

— Ладно, выпишу тебе освобождение. Как домой добираться будешь?

Леля пожала плечами.

— Номер отца диктуй, — сказала медсестра, ища на столе под грудой белых бумаг телефон.

9

В постели Леля провалялась два дня, и еще один день у нее ныли виски так, что ходить и есть она уже могла, но полноценно жить — еще нет. Папа все это время пропадал на работе и заходил к ней только поздно вечером, когда она уже проваливалась в сон после обезболивающих, хотя его присутствие в комнате все равно ощущала.

Мама пару раз звонила, но у Лели болели глаза, и она не могла даже на секунду посмотреть в экран телефона. Вообще в ее комнате во время приступов мигрени всегда стояла полутьма. От света становилось хуже и даже начинало тошнить.

Леля слышала, как папа ходил туда-сюда около ее дверей и говорил с мамой:

— Да, снова началось. «Скорую» вызвать не разрешает... Нет, не вижу поводов для беспокойства. Твой приезд тоже необязателен... Если что-то случится, наберу.

Ухаживала за Лелей в основном тетя Таня, хотя Леля терпеть не могла, когда во время приступов оставалась с ней один на один. Родители-то люди спокойные, много раз беседовавшие с врачами, уже без истерик и лишних волнений реагировали на Лелину боль, знали, что нужно приглушить свет, задернуть шторы, сварить слабый бульон, приносить воду и оставить ее одну, в тишине. А тетя Таня искренне считала, что лучшая забота — это жалеть от всей души, поэтому без конца носила Леле чай и шоколад и громко, будто нарочно,

причитала: «Бедный ты мой ребенок!» Леля морщилась и притворялась спящей, тогда тетя Таня замолкала и на цыпочках, волоча за собой Филю за ошейник, покидала комнату.

Через три дня боль совсем ушла. Леля с тоской отправилась в школу. Она знала, что приступ был только передышкой, а настоящая мигрень ее ждет за школьными дверями.

Когда она вошла в класс, все на нее смотрели зло. Леля была к этому готова, поэтому не растерялась и спокойно направилась к любимой последней парте третьего ряда. Положила перед собой сумку, надела наушники и положила голову на стол. Хотелось спать. В голове крутились мысли: «Почему так у нас все началось? Почему я всегда на ножах с окружающими? Как я устала!.. Боже мой, как я устала!..»

Открыла глаза Леля от резкого осознания того, что над ней кто-то стоит. Она быстро подняла голову. Сонечка.

Леля снова удивилась, какие у этой девочки глаза хорошие, искренние! И главное — большие! Будто чтобы каждый видел, что ничего плохого в этой душе не таится, ищи — не найдешь.

— Как ты? — спросила Сонечка вроде даже со стеснением.

Леля не любила такие вопросы. Она считала, что человеку на самом деле наплевать на ответ. Очевидно, что вопрос задался просто ради начала разговора.

— Ты что-то хотела? — спросила Леля жестко. Она боялась слишком рано стать доброй, вдруг Сонечка только с виду полевой цветочек, а на деле... Что там Маша так уставилась? Вдруг захотели посмеяться?